

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

СЛОВО

Въ великій пятокъ предъ цѣлованіемъ
плащаницы *).

*Вражду положу между тобою
и между женою, между съменемъ
твоимъ и между съменемъ твоемъ*
(Быт. III, 15).

У ногъ Страдалца, у смертнаго покоища Его мы теперь, возлюбленные о Господѣ! И мы знаемъ, кто этотъ Страдалецъ и что это за покоище Его. Этотъ Страдалецъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который, *пришедши въ міръ грѣшныя спасти* (1. Тимое. 1, 15)), убитъ былъ ими въ Іерусалимѣ. Это покоище есть первое покоище умученнаго тѣла Его послѣ позорной смерти, какую воспріалъ Онъ за *родъ нашъ*. Вотъ Онъ еще весь въ язвахъ и крови! Взгляните на слѣды мукъ Его. Вотъ Онъ только что снятъ со креста и лежитъ безмолвно на плащаницѣ среди немногихъ, трепещущихъ и плачущихъ, друзей своихъ. Умилимся предъ этимъ зрѣлищемъ и смѣшаемъ наши слезы съ слезами друзей Его; ибо Онъ *язвленъ былъ и за наши грѣхи, мученъ и умеръ и за наши беззаконія* (Исаи I 111, 5). Взгляните и увидите, какъ видѣлъ въ ужасѣ пророкъ, что *нѣтъ вида у*

(*) Сказано въ Ставропольскомъ Троицкомъ соборѣ 10 апрѣля 1881 года.

Него, нѣтъ и тѣни славы, какую имѣлъ Онъ у Отца, прежде мѣръ небысть (Еван. Іоан. XVII, 5; Исаи I 111, 2).

Нынѣ невольно приходитъ намъ на память и другой недавній Страдалецъ, искренній слуга Христовъ и Помазанникъ Его, въ Бозѣ почившій Императоръ нашъ, Александръ Николаевичъ. Припомните изъ предсмертныхъ минутъ Его тотъ страшный моментъ, когда, послѣ пораженія отъ злодѣевъ, лежалъ и Онъ при дорогѣ, на снѣгу, какъ на нѣкоей плащаницѣ. Не было тогда, увы, и у Него *ни вида, ни доброты*. Лице Его было опалено, мѣстами разсѣчено, ноги раздроблены, чрево надорвано; священная кровь лилась изъ язвъ Его ручьемъ на землю, глава обнажена, одежда оборвана. О, какъ тогда былъ *уменьшн царственный видъи Его* (Исаи I 111, 3)!

Правда, Онъ дышалъ еще, могъ даже сказать склонившемуся на колѣна и плакавшему надъ Нимъ царственному брату своему: „домой... тамъ умереть“; Христось же, какъ повѣствуетъ Евангеліе, лежалъ на плащаницѣ уже бездыханнымъ: но, увы, то были предпоследнія дыханія, предпоследнія слова и незабвеннаго Отца нашего. Смерть продлила эти дыханія и задержала нѣкія искры жизни Его какъ будто для того только, чтобы дать Ему въ послѣдній разъ соединиться со Христомъ въ общеніи плоти и крови Его и передать затѣмъ Ему душу свою, подобно тому, какъ и Христось, въ минуту крестной смерти, *передалъ свою душу въ руки небеснаго Отца* (Лук. XXIII, 46). Потрясающее зрѣлище, но вмѣстѣ и умиляющее! Потрясаетъ оно, потому что Отецъ нашъ пораженъ былъ жестоко, страдалъ глубоко, убитъ невинно. Умиляетъ, потому что Отецъ нашъ умеръ не только какъ истинный христіанинъ, предавъ душу свою Христу, но и какъ истинный христіанскій мученикъ.

Мы знаемъ, что Христось, по суду Синедриона, приговоренъ былъ ко кресту, какъ непотребный для Израиля, какъ будто мѣшавшій народному благоденствію, какъ зломыслящій, какъ врагъ народа и злодѣй. Знаемъ равнымъ образомъ, что въ сихъ же мысляхъ и чувствахъ, по суду злодѣевъ, убитъ, оплакиваемый нами, и Отецъ нашъ Александръ Николаевичъ.

Гдѣ же причина столь превратнаго истолкованія верховной дѣятельности, какъ и самихъ верховныхъ дѣятелей, Христа и вѣрнаго раба Его—Александра?

Причина въ томъ и въ другомъ случаѣ одна. Это—разность установившихся взглядовъ на главные вопросы человѣческаго бытія: на добро и зло, на истину и ложь, и естественно истекающая изъ этого борьба. По этой именно причинѣ убиваемы были, въ періодъ преобладанія зла, всѣ самоотверженные борцы истины и добра, каковы: пророки, Христосъ, Апостолы, мученики и, въ числѣ ихъ, Отецъ нашъ Александръ Николаевичъ.

Борьба эта идетъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, послѣ праведнаго суда надъ первою человѣческою четвою, Богъ произнесъ свой приговоръ и надъ діаволомъ: *вражду положу между тобою и между женою, между съменемъ твоимъ и между съменемъ Тоя*. Она, борьба эта, съ тѣхъ поръ и стала неизмѣннымъ историческимъ закономъ человѣческаго бытія. Съ тѣхъ поръ вся жизнь человѣчества выражается именно въ этой борьбѣ: въ столкновеніяхъ правосмыслія съ лжемысліемъ, добра со зломъ. И попеременно—то истина Божественная подавляется неправдою человѣческою (Римл. 1, 18) и лжемысліе торжествуетъ тогда, упиваясь презрѣніемъ и даже кровію своихъ противниковъ,—то лжемысліе терпитъ стыдъ и пораженіе, и тогда истина высоко развертываетъ свое побѣдное знамя и торжествуетъ. Такъ будетъ до скончанія вѣка, когда истина и неправда, потребованныя къ вышнему суду, не встрѣтятся болѣе на полѣ міра въ столкновеніяхъ, зане *огнь небснаго суда искуситъ ихъ* (1 Кор. 1, 12—13) и каждой укажетъ свое мѣсто.

Но разсмотримъ предметъ нашъ частнѣе, съ примѣненіемъ къ названнымъ нами печальнымъ событіямъ.

Небыло, кажется, на землѣ народа, который бы такъ дорожилъ преданіями своихъ отцевъ и настолько любилъ вообще богооткровенную историческую истину, какъ Евреи, убійцы Христа. Авраамъ, Моисей и пророки, чрезъ которыхъ преимущественно была открываема имъ Божественная домо-

строительная истина, составляли ихъ гордость, ихъ благоговѣнїе, ихъ вмѣстѣ и постоянное путеводное огненное облако. При всемъ томъ, подъ давленіемъ историческихъ обстоятельствъ съ одной и чувственныхъ влеченій съ другой стороны, они мало по малу извратили смыслъ этой истины, затмили ея сіяніе, затруднили дальнѣйшіе пути ея, ведущіе къ откровенію имъ и воспріятію ими полнаго свѣта Христова. Еще пророки, какъ богодухновенные истолкователи праотеческихъ обѣтованій и закона Моисеева, сильно упрекали своихъ современниковъ въ этомъ извращеніи. Тогда какъ, по намѣренію верховнаго Законодателя, законъ Моисеевъ предназначался быть только пѣстуномъ (Галат. III, 24), только указателемъ ко Христу, а слѣдовательно и путеводителемъ къ нравственному закону, будителемъ и воспитателемъ нравственной чистоты, полноту которой, въ *кончинѣ мѣсяца* (IV, 4), имѣлъ проявить въ себѣ Христосъ, закономъ прообразованный; тогда какъ, внѣ этого смысла, обрядовый законъ, при самомъ тщательномъ исполненіи, не достигалъ бы никакихъ воспитательныхъ цѣлей и скорѣе-бы отводилъ отъ Христа, чѣмъ приводилъ ко Христу, какъ неговорившій ничего нравственному чувству человѣка, какъ не пробуждавшій въ немъ самопознанія и духовныхъ потребностей и какъ прямо шедшій въ разрѣзъ съ духовною стороною его, — Евреи, вопреки ясному намѣренію Законодателя, образовали на законъ свой совершенно превратный взглядъ. Въ ихъ понятіяхъ обрядъ стоялъ выше нравственности, обрядовая исправность выше нравственной чистоты, и такимъ образомъ какъ бы исчезала внутренняя сторона человѣка и закона. Это именно извращеніе обличалъ и Исаія, когда отъ лица Божія говорилъ своимъ современникамъ: *Что Ми множество жертвъ вашихъ? Всесожженій овнихъ, и тука агнцевъ и крове юнцевъ и козловъ нехошу. И аще принесете Ми седмидалъ, всуе; кадила мерзость Ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ и дне великаго не потерплю. Поста и праздности, и новомѣсячій вашихъ и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя* (Исаія 1, 11—14). Извращенъ былъ у Евреевъ взглядъ и на сказанія пророковъ. По пророческимъ предрѣченіямъ, они знали Мессію, какъ толь-

ко царя въ Его могущество и славу, но почти вовсе не знали Его, какъ первосвященника—искупителя въ Его униженіи, скорбяхъ и страданіяхъ. (02—VI, VIX ствМ) ииизт(

Понятно теперь, что дѣло Христово на землѣ было дѣломъ безмѣрно труднымъ, потому что крайне была затемнена, какъ бы исчезала историческая точка соприкосновенія между Имъ и Израилемъ, между прежнимъ Божественнымъ откровеніемъ и тѣмъ словомъ, какое принесъ Онъ на землю *отъ Отца*.

Естественною точкою соприкосновенія были, очевидно, законъ и пророки, такъ какъ во весь рядъ прошедшихъ вѣковъ Израиль приготовляемъ былъ къ принятію Мессіи этимъ именно путемъ. На этой точкѣ и останавливается Христось, заявивъ открыто, что *Онъ непришелъ разорити законъ или пророки* (Матѣ. VI, 17). Такъ! Законъ и пророки, не смотря на вѣдшее почтеніе, какое имѣли къ нимъ Евреи, давно уже были *разорены* ими посредствомъ неправильнаго толкованія ихъ. Понятно, что между Христомъ и ожидавшимъ Его народомъ образовалось, такимъ образомъ, средостѣніе.

Раскрывая духъ закона и пророковъ, Христось, напр., требовалъ нравственнаго исправленія, пробужденія совѣсти, сознанія своихъ немощей, покаянія и смиренія, безъ чего немислимы духовное возрожденіе и постепенный духовный ростъ или усовершенствованіе. Вожди народныя сводили все дѣло почти къ исполненію одной вѣдшей стороны закона, къ обрядовой праведности. Христось раскрывалъ болѣе всего достоинство человѣческой души, какъ образа Божія, и, цѣняя ее въ семь отношеніи выше всего міра (Матѣ. XVI, 25), требовалъ обращать преимущественное вниманіе на духовныя свойства ея. Вожди народныя занимались болѣе омовеніями тѣла, очищеніемъ склянницъ и блюдь и другими церемоніями (Матѣ. XXIII, 25, 26). Христось указывалъ на человѣческое сердце, какъ на исходище духовной жизни, и какъ на источникъ добрыхъ и худыхъ помышленій, чувствованій и желаній, исходящихъ изъ него, или вносящихъ въ него, соотвѣтственно содержанію своему, то нравственную чистоту, то растлѣніе или оскверненіе. Вожди народныя мало заботясь

о сердцѣ, предохраняли народъ отъ оскверненія посредствомъ употребленія той или другой пищи и яденія оной неумытыми руками (Матѣ. XV, 17—20). Христось проповѣдываль безусловную любовь и милосердіе къ ближнему во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; вожди возражали законами о субботѣ и ея повоѣ (Матѣ. XII, 8, 14). Христось указываль на владычество грѣха и духовное рабство чловѣка подъ грѣхомъ, въ сознаниі чго собственно и коренитея всеобщая потребность въ Испуителѣ и испуленіи. Не понимая этого рабства, подъ которымъ однако стонало все чловѣчество, изнасяющее зло изъ самаго корня естества своего, вожди народныя опровергали Его, указывая на свое плотское происхожденіе отъ свободнаго Авраама (Ев. Ісан. VIII, 33, 34). Христось съ Божественною силою опровергаль извращенное толкованіе закона, но, вмѣсто вразумленія, вожди только озлоблялись, видя свое пораженіе и униженіе предъ народомъ. Къ тѣмъ же послѣдствіямъ приводиль и неправильный взглядъ ихъ на пророковъ. Христось, какъ Испуитель міра, согласно пророчествамъ, явился въ униженіи, явился, *не да послужатъ* Ему, а *послужити*; вожди ожидали Его не иначе, какъ въ образѣ Давида и Соломона,—въ блескѣ, славѣ и торжествѣ завоевателя или поработителя.

Отсюда, какъ естественное послѣдствіе, происходили: недобвіе вождей ко Христу, ихъ постоянныя попытки уловить Его въ словъ, или испустить, чтобы найти въ Его отвѣтахъ противорѣчіе закону, ихъ усилія объяснять чудеса Его, не смотря на явную запечатлѣнность ихъ Божіею силою, разными измышленіями, даже силою бѣсовскою. Отсюда исходило ихъ разглашеніе въ народѣ, что Онъ *законъ разоряетъ, чловѣкъ не отъ Бога, хулу члаголетъ, мститъ народы*. Отсюда преданіе Его суду, исканіе жесвидѣтелей противъ Него: *назасудъ и, въ концѣ концовъ, крестная смерть*.

Такимъ образомъ смерть Іисуса Христа представляется послѣдствіемъ разномыслія и борьбы съ Нимъ вождей Еврейскаго народа, а затѣмъ личнаго озлобленія ихъ противъ Него, какъ противника и обличителя извращенныхъ взглядовъ ихъ. Тотъ же законъ разномыслія, раздѣленія, исторической

борьбы между стьменем змя и стьменем жены, отразился и въ смерти нашего блаженнаго Отца.

Кто не знаетъ Его образа мыслей, Его жизни, Его христіанскихъ убъжденій и надеждъ? Кто не знаетъ образа мыслей и Его убійць?

Дико, безобразно, отвратительно ученіе нигилистовъ! На немъ—печать крови, печать смерти, отверженія, разрушенія. Тогда какъ Евреи извращали только смыслъ богооткровенной истины, неотвергая однако божественности источниковъ ея, нигилисты отвергаютъ самую богооткровенную истину, и всю сполна. Исходя изъ такого отрицанія, они затѣмъ отвергаютъ все: Бога, какъ верховное начало всего сущаго, Христа Искупителя и Его церковь. Естественно, что надъ библейскимъ ученіемъ объ избраніи царей и утверженіи ихъ на престолѣ промыслительною волею Божіею они глумятся только. Отрицавъ духовное начало въ человѣкѣ и отождествляя человѣческую душу съ матеріею, они, понятное дѣло, отвергаютъ и будущую загробную жизнь. Коль же скоро душа наша не духовна и загробной жизни нѣтъ, ученіе о человѣческой нравственности становится однимъ пустымъ звукомъ. По ихъ словамъ, нѣтъ ни грѣха, нѣтъ ни добродѣтели, ни вмѣненія. Поставивъ дѣлю жизни одни чувственные наслажденія, они выработали начало: живи, пока живется, и приобрътай, какъ знаешь и какъ можешь, неостанавливаясь въ достиженіи своихъ цѣлей ни передъ какими средствами. Отсюда ихъ пропаганда всякой распущенности, табунной жизни, кражъ частныхъ и государственныхъ, убійствъ и самоубійствъ. Православный Государь, какъ послѣдователь богооткровенной истины, какъ державный перво—сынъ Христовой церкви, какъ усерднѣйшій блюститель порядковъ христіанскихъ и государственныхъ, очевидно, былъ помѣхою ихъ стремленій, главнымъ врагомъ ихъ и, страшно вымолвить, врагомъ будто бы и человѣчества, которое, по ихъ понятіямъ, можетъ быть осчастливлено только распущенностію, только табунностію, скотошодобіемъ. И вотъ нечестивое соборище ихъ положило убить Его! Жребій смерти былъ брошенъ и на этотъ разъ, по недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ, неминовалъ Его, и пролилась невинная кровь Его!...

Говорятъ, что религія и нравственные убѣжденія тутъ не причемъ. Говорятъ, что вся смута истекаетъ изъ одного желанія иного образа правленія въ нашемъ отечествѣ. Говорить!.. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Есть ли основаніе къ такому разъясненію смуты? Исторія по крайней мѣрѣ не даетъ права къ такому предположенію. Мы знаемъ въ Европейской семьѣ такія государства, которыя практиковали уже все роды государственнаго правленія. Одно изъ такихъ теперь—республика съ демократическимъ отбѣнкомъ. Кажется, дальше идти бы не куда: сами избираютъ главу правленія, сами пишутъ и утверждаютъ законы, сами вѣдаютъ все жизненные распорядки свои. Но, нѣтъ, за этою формою правленія давно уже стоитъ полчище мятежниковъ, соборище недовольныхъ, съ краснымъ знаменемъ. Мы разумѣемъ коммуны, ту самую коммуны, которая не разъ обливала потоками братской крови улицы своей столицы, предавала пламени дома своихъ согражданъ, подвергала поруганію и истребленію памятники священной старины, оскверняла и закрывала храмы истиннаго Бога, заключала въ темницы и обезглавливала служителей Его. Спрашивается: чего хотятъ коммунисты, когда недовольствуютъ ихъ и та форма правленія, да еще которой, въ предѣлахъ законной общественности, не идетъ никакая политическая мысль и не простирается ни какая политическая мечта? Отвѣтъ простъ. Хотятъ того, что внушаетъ безбожіе, чего требуетъ скотоподобіе: анархіи, полной распущенности, табуности, что не разъ прежде выражали они и на дѣлѣ. Нашъ нигилизмъ коммуны родной братъ; имя матери ихъ одно: безбожіе. Не даетъ основаній къ сказанному предположенію и внутреннее содержаніе нигилизма, какъ чистаго отрицанія. Отрицая наповалъ весь міръ духовно-нравственный, гдѣ главнымъ образомъ и лежатъ основы собственно человѣческаго общежитія, каковы: совѣсть, сознаніе долга, чувство чести, нигилисты тѣмъ самымъ ставятъ себя внѣ всякой почвы человѣческаго общежитія. Ни какой софистъ въ мірѣ не докажетъ, что они дѣйствуютъ по чувству чести или по внушенію совѣсти. Для совѣсти, какъ голоса Божія въ человѣкѣ, требуется вѣра въ Бога, а у нихъ ея нѣтъ. Равнымъ образомъ, чтобы быть истинно

честнымъ, надобно быть для этого скольконибудь совѣстливымъ; иначе честность, непоставленная подъ контроль этого внутренняго суди, будетъ не свойствомъ души, не правиломъ жизни, а только послѣдствіемъ расчета, дѣломъ выгоды, движеніемъ инстинкта, слѣдовательно—дѣломъ минуты, случая, летучаго чувства. Нѣтъ, зло нигилизма есть зло чисто нравственное, хотя оно, какъ всякое уродство и безобразіе, можетъ быть, и прикрываетъ себя политическою благовидностію.

Зло это такъ велико и такъ губительно, что ни коимъ образомъ среди человѣческихъ обществъ терпимо оно быть не можетъ. Это не простое только заблужденіе мысли; нѣтъ, это—самый крайній развратъ мысли, оторванный вполнѣ отъ первоисточника Божественнаго свѣта и добра. Это не помраченіе только совѣсти или притушеніе, но и постепенное, упорное изглаженіе въ ней самыхъ нравственныхъ основъ ея, или, какъ позволяеть думать Апостоль, (1, Тим. IV, 2), упорное выжиганіе въ ней слѣдовъ Божія присутствія. Не извращеніе, наконецъ, только воли, но и полнѣйшее осатанѣніе ея, выражающееся съ одной стороны въ ненависти и злобѣ, въ открытой враждѣ и ожесточенности противъ Бога, противъ истины и добра, а съ другой—въ фанатической жадѣ и сатанинской готовности на всякій развратъ, на всякую смуту, на всякое злодѣйство. „Я смѣюсь надъ вашимъ судомъ, смѣюсь и надъ вашимъ Богомъ“, такъ отвѣчала недавно представителю судебной власти одна изъ нигилистокъ. Скажите: слышится ли въ этомъ отвѣтѣ хотя одинъ звукъ изъ собственно человѣческаго сердца? „Выведите ихъ вонъ!“ обращаясь къ стражѣ, двукратно сказалъ одинъ изъ убійцъ Отца нашего. Кого, вы думаете, вывести вонъ приказывалъ злодѣй?—Отца своего и мать, которые въ тотъ моментъ стояли предъ нимъ на колѣнахъ, облившись горькими слезами и, несмотря на ужасную преступность его, все еще любили его и умоляли только объ одномъ: раскаяться чистосердечно, для чего тутъ же стоялъ и смиренный служитель Христовъ. Скажите: есть ли въ этомъ злодѣѣ хотя тѣнь человѣческая? Есть ли у него хотя одна искра духовной жизни? Увы, все, все убито въ немъ безвѣріемъ! Такихъ изверговъ чловѣчества не найдешь и въ мірѣ языческомъ!

Братія! Изобразивъ пути, какими исконная *вражда между змѣемъ и женою, между стѣменемъ его и стѣменемъ тоя*, довела Христа и Помазанника Его, блаженнаго Отца нашего, до мученической смерти, мы могли бы извлечь отсюда много уроковъ какъ относительно охраненія въ отечествѣ нашемъ богооткровенной истины вообще и большого распространенія и усиленія ея среди нашего учащагося юношества въ частности, такъ равно и относительно того, въ какихъ размѣрахъ, безъ вреда церкви и государству, можетъ быть терпимо иномысліе, существующее въ сектахъ и выражающееся въ печатныхъ органахъ то въ видѣ разсужденій либеральнаго свойства, то въ видѣ только глумливыхъ замѣтокъ о церкви и ея учрежденіяхъ, о которыхъ, скажемъ къ слову, въ большинствѣ, писаки наши рѣшительно неимѣютъ понятія; но въ виду того, что на это есть особо призванныя лица, авторитетъ которыхъ поддерживаетъ вся церковь и власть государственная, мы удержимся отъ всякихъ заключеній. Это однако недаетъ еще намъ права на нашу безучастность въ борьбѣ, на бездѣятельность. Апостоль Христовъ открываетъ намъ, что, по званію христіанъ, мы всѣ, безъ изыатія, призваны къ непрерывной борьбѣ съ исконнымъ чловѣкоубійцею и стѣменемъ его, и бороться должны *даже до крове*, для чего указаны намъ и всѣ духовныя оружія (Ефес. VI, 11—17). Неужели же мы сложимъ добровольно эти оружія къ ногамъ враговъ нашихъ? Неужели мы, кто чѣмъ можемъ, не возстанемъ за истину Христову? Неужели уступимъ безъ боя гнуснымъ проповѣдникамъ безвѣрія, порицателямъ христіанской истины, христіанской церкви, христіанскихъ преданій, воспитывавшимъ и воспитывающимъ развратниковъ, крамольниковъ и царубійць? Никогда! Мы должны сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ, въ нашей власти, на благо Христовой церкви. Иначе насъ осудитъ вся исторія христіанства, считающая, въ вѣкахъ прошедшихъ, милліонами своихъ неустрашимыхъ борцовъ за истину и добродѣльныхъ мучениковъ за Христа; осудитъ исторія православнаго нашего отечества, такъ явно возвеличеннаго христіанствомъ; осудитъ многочисленный сонмъ родственнаго намъ по вѣрѣ и крови пресвѣтлаго мученическаго воинства, поло-

живнаго души свои на поляхъ битвы за православную вѣру, за православныхъ царей своихъ и отечество, искони преданное православію; осудить кровь нашего Спасителя, пролитая Имъ за насъ; осудить, наконецъ, и кровь незабвеннаго Отца нашего Александра Николаевича, какъ неоцѣненная по своему достоинству, и возопіеть на насъ къ небу *паче крове Авелевой*. Нѣтъ, не уступимъ ни на одинъ шагъ врагамъ вѣры и церкви; стоимъ за истину Христову твердо, *даже до крове* и сохранимъ во всей цѣлости и чистотѣ *вѣру апостольскую, вѣру церковную, вѣру православную, яже вселенную утверди*. Въ знакъ сей нашей любви и вѣрности ко Христу и Его истинѣ, приидите, облобызаемъ Его язвы, какъ нашего Искупителя, и лежащее на персяхъ Его—Его Евангеліе, въ которомъ заключаются *милость живота вѣчнаго*, изреченные устами Его, какъ Божественнаго Учителя.

О, Господи, услыши вопль сердца нашего и не отврати лица твоего отъ насъ и всего смущеннаго отечества нашего! Аминь.

Протоіерей. Вас. Розалевъ.

II.

ИЗВѢСТІЯ.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦѢЛЕНІЕ.

У графа Владиміра И. Калниста въ теченіи года и мѣсяца была больна пятнадцатилѣтняя дочь. Все семейство графа прошлою осенью переѣхало съ больною дочерью изъ имѣнія (Тамбовской губерніи) въ Москву и помѣстилось въ гостиницѣ Лоскутной, что на Тверской, въ домъ г. Попова въ приходѣ Параскевievской, въ Охотномъ ряду, церкви. Къ больной, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, кромѣ упомянутаго въ корр. Нов. Времени профессора Склифасовскаго, неоднократно приглашались на консиліумъ лучшіе врачи города Москвы, и